

Вузы: фильтр для избранных

В этом году приёмная кампания в российские университеты окончательно перестала быть историей про медалистов и стобалльников. Родители из регионов и крупных городов возмущены: дети с суммарными баллами ЕГЭ 240–290, которые ещё три года назад считались гарантированными бюджетниками, сегодня не проходят даже на платные отделения престижных вузов, а высшее образование в РФ всё больше напоминает элитарный клуб с жёсткими квотами, а не общедоступный социальный лифт. Так, в родительских чатах и тематических пабликах – сотни скриншотов конкурсных списков, которые больше напоминают рейтинги теннисистов, чем привычные таблицы абитуриентов.

Одна из мам делится: «Сын набрал 263 балла (русский, профильная математика, физика). В МГТУ им. Баумана он на 21-м месте на бюджет – это ещё туда-сюда, но в МФТИ – 819-й из 900. Куда идти? На платное – 400 тысяч в год, а мест всего 15, и там очередь из 280+». Подобные истории множатся. Особенно остро это заметно на IT-направлениях, лингвистике и экономике топовых вузов. Сложности возникли даже при попытке поступить на коммерцию.

Чтобы понять масштаб изменений, стоит вспомнить механику приёма в СССР. Система была жёсткой, но прозрачной: вступительные экзамены в конкретном вузе. Конкурс оставался высоким, но он был конкурсом знаний, а не конкурсом квот. Медалисты сдавали один профильный экзамен, все остальные начинали с чистого листа.

Главное отличие: в советской модели существовала привязка к целевому набору и рабочему стажу, но эти льготы давали прибавку к баллам, а не гарантировали место до начала экзаменов. Сегодня же бюджетные места де-факто распределяются ещё до того, как основной поток абитуриентов сдаёт ЕГЭ.

В СССР платного образования

не было вовсе. Все места были государственными, и распределение шло по вертикали – от сельских школ до столичных институтов существовала система брони. Однако ключевой принцип оставался неизменным: проходной балл определял судьбу, а не наличие удостоверения олимпиадника или справки об инвалидности.

Тогда вуз боролся за сильного абитуриента, теперь сильный абитуриент борется за остаточные места.

Почему же ЕГЭ в 280 баллов перестал быть панацеей? Здесь эксперты выделяют три основные причины.

Во-первых, квоты и олимпиадники сжимают бюджетный пул. Это победители всероссийских и международных олимпиад, а также льготные категории (сироты, инвалиды, дети участников СВО и сами военнослужащие). По данным мониторинга качества приёма, в ведущих вузах доля таких «квотников» достигает 30–40% от бюджетного набора. Они занимают места до начала основной волны зачисления.

Математика проста: если на потоке 100 бюджетных мест, 40 уже распределены. Оставшиеся 60 делят между собой 400 человек с баллами 250+, что искусственно

взвинчивает проходной порог до небес. На платном отделении действует аналогичный механизм: вузы, понимая дефицит бюджета, сокращают коммерческие места (помещения не резиновые) и поднимают ценник с требованиями, чтобы отсеять не только бедных, но и «слабых» по ЕГЭ.

Во-вторых, есть и региональный перекос: центр против периферии. Родители жалуются на «819-е место», но речь идёт о лучших технических вузах страны. Проблема в том, что 80% абитуриентов с высокими баллами метят только в 20% университетов (Москва, Питер, Новосибирск). При этом региональные вузы, где проходной на бюджет всё ещё 180–200, остаются полупустыми.

Федеральный центр не регулирует этот дисбаланс. Система ЕГЭ позволила молодёжи из регионов штурмовать столицу, но это лишь усилило конкуренцию. Мало кто хочет ехать в провинцию, если теплится иллюзия попасть в Москву.

В-третьих, положение усугубляет коммерциализация. Университеты всё больше действуют как бизнес-структуры. На бюджетные места государство выделяет норматив (около 80–120 тыс. рублей в год на студента), что в 3–4 раза ниже реальной себестоимости подготовки специалиста. Дефицит вузы покрывают за счёт платников.

Стратегия такова: проще взять одного студента с 260 баллами, заплатившего 400–500 тыс., чем двух с 180 баллами по 200 тыс. Вузы сознательно задирают минимальный порог для контракта, отсекая «слабых», но платёжеспособных, чтобы не портить статистику отчислений.

На этом фоне вырос интерес к среднему профессиональному об-

разованию. По данным Росстата, в 2025 году приём в колледжи и техникумы увеличился на 12% по сравнению с 2020-м. Минпросвещения фиксирует, что около 60% выпускников 9-х классов сегодня выбирают СПО, и этот тренд усиливается.

Причины прагматичны: проходной балл в колледжи существенно ниже, сроки обучения короче, а рынок труда остро нуждается в сварщиках, электриках, операторах станков и IT-специалистах среднего звена. А тут ещё и государство всеми силами выдавливает учеников в колледжи, не пуская в 10-е классы. В итоге многие родители начинают рассматривать техникум как осознанную стратегию, а не вынужденное отступление.

Если раньше ПТУ считались делом двоечников, сегодня по некоторым рабочим специальностям зарплаты уже превышают доходы выпускников гуманитарных факультетов.

Коммунисты традиционно выступают с критикой образовательных реформ. Первый зампред комитета Госдумы по науке и высшему образованию Олег Смолин неоднократно заявлял, что ЕГЭ превращает учёбу в натаскивание, а рост числа платных мест и квот для льготников фактически закрывает двери для обычных хорошистов. В 2024–2025 годах

фракция КПРФ вносила законопроект, предлагавшие резко увеличить финансирование образования, расширить число бюджетных мест и вернуть советский принцип «образование – не услуга, а общественное благо».

Депутаты от КПРФ регулярно поднимают эту тему, но их аргументы о том, что страна теряет потенциальных инженеров и врачей из-за бюрократических фильтров, не находят отклика у законодательного большинства.

Среднему талантливому ребёнку из обычной школы, честно набравшему 260 баллов (а это в среднем по 86–87 баллов за экзамен), система предлагает либо выбирать непрестижный региональный вуз, либо брать кредит (про нынешнюю ключевую ставку можно даже не говорить), либо идти в техникум. В СССР проходной балл был мериллом усердия; сегодня он стал производной от очереди за квотой и толщины кошелька. И если в ближайшие годы не пересмотреть систему квот и не привязать объём платных мест к реальному спросу, мы рискуем получить поколение, не реализовавшее потенциал только из-за нехватки места в списке. А это уже прямая угроза экономике, где дефицит квалифицированных кадров достигает рекордных значений.

Мария Климанова

В доме 13/21 на Смоленской площади сложилась критическая ситуация. После пожара 2006 года чердак был незаконно переделан в мансарду, что привело к перегрузке дома, нарушению вентиляции, постоянным протечкам и разрушению конструкций.

Знаменитый дом работников НКВД был построен по проекту архитектора Ивана Жолтовского в 1939–1956 годах. Восьмизатное здание является образцом парадного стиля сталинской архитектуры. Дом с пристроенной башней спроектирован асимметричным, близким по стилю к итальянским палаццо. В 2008 году здание было признано объектом культурного наследия регионального значения. Строительство мансарды было согласовано чиновниками ещё в тот период, когда мэром столицы был Юрий Лужков.

Несмотря на решения суда о восстановлении чердака, они до сих пор не исполнены. Капитальный ремонт проблему не решил – её просто замаскировали. Сегодня жители живут с трещинами, плесенью и постоянными протечками. Особенно страдают верхние этажи.

Депутат Государственной Думы Казбек Тайсаев направил обращение в адрес мэра Москвы Сергея Собянина и получил официальный ответ Правительства Москвы, который позволяет подвести промежуточные итоги.

Правительство Москвы официально подтвердило, что все незаконно возведённые мансарды признаны судами самовольными

Реставрация на бумаге

постройками и подлежат сносу. Соответствующие решения вступили в законную силу. Подтверждено, что именно эти незаконные надстройки стали предметом судебных

разбирательств и именно после их демонстрации станет возможным полноценное восстановление исторической кровли здания.

Власти сообщили, что уже подготовлено

и согласовано техническое задание на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия.

Вместе с тем ответ показывает и главную проблему. Работы фактически оказались заблокированы из-за затянувшихся судебных споров вокруг государственного контракта на разработку проектной документации. Для разработки научно-проектной документации по сохранению дома Жолтовского Госинспекция по недвижимости заключила государственный контракт с ООО «Арт-Майнд». Техническое задание было согласовано Департаментом культурного наследия Москвы ещё 19 января 2024 года. Однако подрядчик не выполнил свои обязательства, и 11 марта 2025 года контракт был расторгнут в одностороннем порядке. ООО «Арт-Майнд» не согласилось с расторжением и подало иск в Арбитражный суд города Москвы. Судебная эпопея растянулась на полтора года и завершилась лишь в июне этого года. Только теперь появилась возможность двигаться дальше.

Отдельно отмечено, что Мосжилинспекция выдала управляющей организации предписание по устранению нарушений на кровле. По информации ведомства, они исполнены (жители утверждают обратное), однако это касается текущего содержания здания и не решает главную проблему – восстановления исторической конструкции крыши. До полного восстановления дома ещё далеко. Пока судебные решения не будут исполнены в полном объёме и не начнутся реальные реставрационные работы, памятник архитектуры продолжает находиться в уязвимом состоянии.